

ПЕРВЫЕ

1

— Не понимаю, что случилось с амортизаторами. — Командир ожесточенно уже в который раз поправил бинт, съехавший на глаза. — При взлете они сработали замечательно, а тут... Словно их и не было.

Инженер не ответил. Он полулежал в глубоком кресле, бережно прижимая к груди упакованную в узкий деревянный ящик руку. Его почерневшее от боли лицо судорожно подергивалось, и он едва слышно рычал сквозь стиснутые зубы. Командир искоса взглянул на него.

— Закурите? — спросил он.

Инженер кивнул. Командир достал папиросу, вставил ее в запекшиеся губы Инженера и чиркнул спичкой.

— Спасибо, — хрипло выдохнул тот. — Нет, не надо. Тошнит.

Папироса упала на пол. Звякнул люк, и в каюту вполз Доктор. Оба повернулись к нему. Доктор зажмурился, потер ладонью испачканное засохшей кровью лицо и сплюнул.

— Плохо, — сказал он шепотом. — Очень плохо. И часу не протянет. — Он снова сплюнул. — По-видимому, его бросило головой на распределительный щит. Знаете, тот, в моторном отделении. У него в двух местах пробит череп и сломаны шейные позвонки.

© Из архивной папки «Страна Багровых туч». 1953.

Командир опустил голову.

— Ну, а как вы? — Доктор подошел к Инженеру. — Больно? Сейчас впрыснем вам кое-что.

Он опять сплюнул и вытащил из нагрудного кармана коробку со шприцем.

— Что вы... всё плюетесь... Доктор? — с трудом выдавил Инженер.

Он хотел сказать совсем другое, крикнуть, что он не верит, что брата уже невозможно спасти... но в последний момент вспомнил, что перед ним один из лучших хирургов страны и что вряд ли такие вещи пришли бы ему в голову, если бы Механик не был его, Инженера, братом.

И он спросил вместо этого:

— Что вы... всё плюетесь?

Доктор набирал в шприц желтую жидкость из узкой стеклянной ампулы.

— Плююсь? — рассеянно переспросил он. — А... это, друг мой, эмаль. Лопнула от удара эмаль на зубах. Ну-ка, дайте руку... да не бойтесь, здоровую руку. Вот так.

Через несколько минут все спустились в нижний отсек. Там в подвесной койке лежал Механик, изжелтабледный, с широко раскрытыми остекленевшими глазами, с розовой пеной в углах полураскрытого рта. Возле него сидел Радист. Инженер наклонился над братом.

— Леня... — тихо позвал он. — Леня!

Радист встал, прихрамывая отошел в сторону и отвернулся лицом к стене. Он и Механик были самыми молодыми из экипажа, большими друзьями.

— Леня, — еще раз проговорил Инженер.

Доктор тронул его за плечо.

— Он не слышит вас.

— И... никогда больше не услышит, — сказал Инженер. — А, может быть...

Широко раскрыв глаза, он взглянул на Доктора.

Тот опустил голову. Тогда он опустился на стул, где только что сидел Радист.

Потом повернулся к Командиру и проговорил с виноватой улыбкой:

— Вы все... уйдите, пожалуйста.

Метрах в ста от звездолета в вязком горячем грунте выкопали яму и опустили в нее свинцовый бак с телом Механика. Дали прощальный залп из карабинов. Над могилой поставили лист нержавеющей стали с выцарапанными на нем неровными буквами.

2

Доктор, насвистывая и изредка поплеывая, сидел за столом и выписывал из мокрых листков анализов в большую общую тетрадь. Радист копался в аппаратуре — менял лампы, лопнувшие при ударе. Вскоре вернулись из моторного отделения Командир и Инженер, оба усталые, заляпанные чем-то бурым и жирным и очень озабоченные.

— Внимание, товарищи, — сказал Командир. — Все к столу.

Давайте быстренько обменяемся информацией и решим, что делать дальше, а затем...

— Одну минутку, — прервал его Доктор. — Прошу извинения, но... Насколько я понял, положение очень серьезное, не так ли?

Командир кивнул.

— Тогда я, как секретарь организации, предлагаю провести экстренное партийное собрание. Повестка дня: «Положение звездолета ЭР-68 и...» — Доктор сделал паузу и отдельно, с ударением на каждом слове произнес: — «...и задачи членов экипажа — коммунистов по выполнению задания партии и правительства». Кто за? Единогласно. Предлагаю для ведения собрания избрать председателя и технического секретаря.

— Председателем — Командира, секретарем — Радиста, — сказал Инженер, покачивая у груди сломанную руку. — Я писать не могу.

— Так. Кто-нибудь против? Нет? — Доктор вырвал из тетради несколько листов и протянул Радисту. — Карандаш у вас есть? Хорошо. Товарищ Командир, прошу вести собрание.

Командир пошептался с Доктором, сказал что-то вполголоса Радисту и громко произнес:

— Прошу почтить вставанием память Механика звездолета, коммуниста, члена нашей организации, безвременно погибшего на своем посту.

Все встали.

— Прошу садиться. Слово для информации о состоянии энергетической и двигательной систем звездолета предоставляется Инженеру. Говорить можно сидя.

Инженер достал здоровой рукой записную книжку, раскрыл и снова закрыл ее.

— Вкратце дело обстоит так. — Он помолчал, просмотрел свои записи и быстро продолжил: — Вышли из строя реакторы номер три и пять. Остальные три тоже имеют повреждения, но снова могут быть задействованы после небольшого ремонта.

Реактор номер три разрушен взрывом контейнера с жидким водородом — это, по-видимому, и послужило причиной аварии.

С реактором номер пять дело обстоит лучше, однако исправить его в настоящих условиях невозможно. Коротко говоря, состояние двигательной системы не дает нам оснований надеяться на возможность самостоятельного возвращения на Землю. Я уже не говорю о серьезных повреждениях системы управления.

Он перевел дух и посмотрел на товарищей. Командир рассматривал свои исцарапанные пальцы. Доктор слушал спокойно и внимательно, прикрыв свои острые глазки набрякшими веками. Радист торопливо писал, склонив голову набок.

— Теперь о наших энергетических ресурсах. В этом отношении мы обеспечены превосходно. Ядерное горючее для реакторов у нас есть. Жидкий водород нам тра-

тить нет нужды — для снятия тепла и питания турбины можно будет использовать воду или какую-нибудь другую жидкость. Мы с Командиром уже наметили переоборудовать реактор номер два — он пострадал меньше других — для питания генератора мощностью в три тысячи киловатт. Это займет, конечно, известное время и силы. Что касается маяка, то, если мы найдем, что должны искать, — а только в этом случае и имеет смысл устанавливать радиомаяк, — энергетическую установку для него создать будет не трудно. У нас есть материалы и инструменты. Вот и все, пожалуй.

— Прошу вас, Доктор, — сказал Командир.

— Все мы уже видели, что делается там, снаружи. Уточню кое-что. — Врач перелистал свою общую тетрадь. — Так... ага, вот оно. Температура пятьдесят градусов выше нуля, влажность очень высокая. Воды очень много... почва пропитана ею, как губка. Но эта вода — яд. В ней больше семидесяти процентов тяжелой воды. Растительность и животный мир здесь есть... По-видимому, природа приспособила местную флору и фауну к дейтериевой воде. Но в пищу все это не годится. Впрочем, как вы сами могли убедиться, один только вид местной живности способен убить аппетит даже у умирающего от голода. Значит, мы должны рассчитывать только на свои запасы продовольствия. С водой, конечно, дело обстоит легче — легкую воду мы получим от сжигания водорода в кислороде, водород — протонный водород — у нас есть, а кислород можно добыть электролизом. Над этим еще нужно подумать, но с этой стороны нам нечего опасаться. Опасаться следует другого. Как я и ожидал, там, снаружи, все — вода и атмосфера — насыщено богатейшей микрофауной. Бездна всевозможных бактерий, амёб, инфузорий, в большинстве, вероятно, анаэробных. Многие виды могут оказаться болезнетворными. Будьте осторожны. Перед выходом наружу и по возвращении обтирайтесь раствором формалина или спирта. Малейшую ранку, царапину промывайте и залейте коллоидом. В от-

ношении этого буду просить Командира об отдании приказа по экипажу.

Командир кивнул.

— Все у вас?

— Все.

— Какой состав атмосферы? — спросил Инженер, делая какие-то пометки в блокноте.

— CO, CO₂, главным образом. И азот.

— Слово предоставляется Радисту.

Радист положил карандаш, пригладил волосы.

— Собственно, пока я могу сообщить очень немногое. Предварительные расчеты показывают, что в условиях такой высокой ионизации, какую мы имеем здесь, трудно надеяться на связь с Землей. Если бы иметь хоть какое-нибудь представление о том, в какой точке небосвода находится Земля, можно было бы попробовать направленный радиолуч. Но здесь, вероятно, всегда такие тучи и туман, не поймешь даже, день или ночь. Даже инфракрасные средства оказались бессильны — я не смог найти Солнце. Что касается работы на прием... попробуем, хотя...

Как бы то ни было, за нами следят с Земли. У нас есть аварийное средство дать SOS — три взрыва атомных зарядов, если не ошибаюсь. В крайнем случае применим это. Вот и все у меня.

Наступила пауза. Доктор передал Радисту листки протокола.

— Теперь разрешите мне, — сказал Командир. — Товарищи коммунисты! Венера сурово встретила нас, первых людей, высадившихся на ее поверхности. Мы уже теперь, всего через пятьдесят часов после прибытия сюда, можем составить себе представление об огромных, во многих отношениях неожиданных трудностях, которые нас здесь ожидают. Положение усугубляется еще аварией звездолета и трагической гибелью нашего товарища. Но все это не должно запугать нас, не дать нам вспомнить нашу задачу. Трудности и опасности нашей работы не

следует преуменьшать, но их не следует и преувеличивать.

Трезво оценить обстановку, учесть все наши возможности, сосредоточиться на одной мысли — как выполнить порученное нам дело. Разумеется, можно было бы дать сигнал «терпим бедствие», выставить радиомаяк, запереться в звездолете и спокойно отсиживаться до прихода помощи. Продовольствия хватит, воду и кислород можно добыть — чего лучше? Боюсь, что кое-кто из вас уже подумывает об этом. И оправдание готово: чего, мол, еще можно требовать от экипажа звездолета, потерпевшего аварию? Товарищи коммунисты! Родина наша ждет от нас другого. Наши товарищи ждут от нас другого. Конечно, если мы не сделаем нашего дела, его сделают за нас другие. Не мы, так другие пойдут на поиски «Урановой Голконды», не мы, так другие установят маяк номер один, первый ориентир, с которого начнется завоевание Венеры человеком. Не мы, так другие в этих неслыханно трудных условиях проложат нашей стране дорогу к неисчерпаемым энергетическим богатствам Венеры. Но разве мы, экипаж звездолета «ЭР-68», хуже других советских людей? Ведь именно нам оказал наш народ великую честь быть первыми в этом деле. И мы покажем себя достойными этой чести. У нас есть кое-какие радиометрические данные, полученные беспилотной разведкой в прошлом году, о приблизительном расположении «Урановой Голконды». Один из нас останется здесь, в звездолете, присматривать за работой небольшого кругового радиомаяка, который мы установим. Остальные, взяв необходимые материалы, снаряжение, продовольствие, двинутся на поиски. Выйдя к границам «Голконды», сооружаем маяк, питающую его энергетическую установку и возвращаемся по пеленгу к звездолету. Предварительно можно будет дать сигнал бедствия. Таково мое решение как Командира, и я призываю вас, товарищи коммунисты, всемерно помочь мне претворить его в жизнь. Вот все, что я хотел сказать.

У кого есть вопросы — пожалуйста.

— Можно мне? — тихо сказал Инженер. — Кто остается здесь?

— Вы, — ответил Командир.

— Но... — Инженер сморщился и схватился за руку. — Вы не имеете права по инструкции покидать корабль.

— Инструкцию составляют люди, инструкцию изменяют люди. Вас послать в экспедицию я не могу.

— Из-за руки?

— Да.

— Ответственность за установку маяка несу я.

— Мы все несем эту ответственность, — жестко сказал Командир.

— Присоединяюсь как секретарь парторганизации к мнению Командира, — веско сказал Доктор.

Он остался один.

[Далее текст отсутствует.]

ЭКИПАЖ «ХИУСА»

Алексей вернулся поздно вечером, усталый и злой. В комнате шторы были опущены, на кровати лежал Вальцев и курил, уставившись в потолок. На полу около его кровати стояла грязная тарелка с окурками, окурки были разбросаны по полу, и дым стоял такой, что Алексей только носом покрутил — ну и ну!

— Ты что — зубы болят? — спросил он, с кряхтением опускаясь на свою кровать и принимаясь за сапоги.

— Болят, — равнодушно согласился Вальцев, не поворачивая головы. Он был небрит, всклокочен и лежал на кровати прямо в ботинках и в пиджаке. Алексей посмотрел на него с удивлением и сочувствием и стал раздеваться.

— Давно болят? — спросил он, надевая пижаму.

— Да, брат... очень давно, — сказал Вальцев с какой-то странной интонацией в голосе.

— Ты бы к врачу пошел, чудак...

— Не поможет, — со вздохом сказал Вальцев, подымаясь, — это, Алеха, такой зуб, что никакой врач не поможет...

Он помолчал, сидя неподвижно, сгорбившись и уперевшись руками в расставленные колени, потом наклонился и начал подбирать окурки и укладывать их в тарелку.

© Из архивной папки «Страна Багровых туч». 1956.

— Ты знаешь, сегодня... приехали наши ребята, — проговорил он, ставя тарелку на стол, — пилоты и геологи... Сашка Бирский, Гришка Ершов... кто там еще?..

— Знаю, — перебил Алексей со вздохом, — я уж познакомился... — ...и этот... Цицин Андрей — геолог, мы с ним пол-Тибета прошли...

— Что, познакомился уже? Когда это ты успел? — удивился Вальцев, вытаскивая из портсигара папиросу.

Алексей рассказал о битве за колючей изгородью. Вальцев с отвращением курил, неохотно улыбался.

— Повезло тебе, — сказал он и снова повалился, задрал ноги на спинку, — если б не Сашка — конец бы твоим приключениям...

Алексей взял полотенце и пошел мыться.

— Левка, открыть форточку надо... — начал он, входя в номер, но Вальцева уже не было. Алексей поднял штору, открыл окно, подивился еще раз густоте табачного дыма и стал прибирать на столе. Засунул в тумбочку толстый том «Электроники» и пачку каких-то технических журналов с унылыми обложками, повесил на гвоздь вальцевский шлем, вытряхнул мусор из карандашницы, собрал в тарелку окурки, аккуратно разложенные по краям стола и, проклиная Вальцева, который на днях расколол пепельницу, объясняя преимущества атомного топлива перед химическим, пошел и помыл тарелку. На столе оставалась еще куча исписанных листков — Вальцев писал статью.

Алексей начал собирать их и вдруг увидел свое имя. «...И это не твое дело. Алексей — замечательный человек, не тебе его судить, и если б ты только знал, как мне надоели все эти твои...»

Алексей побагровел, поспешно отбросил листки и сел на кровать. Фу ты, черт, как неудобно получилось... Тонкий женский почерк, это, наверное, от Маши... Черт дернул лезть в эти листки... Алексей расстроено закурил и, стараясь не глядеть в сторону стола, принялся подметать пол. Неприятная это штука — личная жизнь. Ну, кажет-

ся, все уже хорошо: замечательный парень, прекрасный работник, любят его все — славный, веселый, жизнерадостный, известный ученый, и — приходит женщина... Он ее, видно, здорово любит... Несмотря ни на что...

Но и красива же! Алексей вспомнил изящный профиль женщины в черном платье на фотографии. Гордая красота!

Вошел хмурый Вальцев, посмотрел на Алексея.

— Лопать будешь?

Подошел к столу, резким движением собрал бумаги, запихнул в ящик. Несколько листков упало на пол. Он подобрал их, бегло просмотрел, бросил на стол.

— Пойдем к Ершову — там собираются сегодня все наши, — выпьем. Завтра выходной — отоспимся.

— Денег нет, — нерешительно сказал Алексей.

— Не говори ерунды, — разозлился Вальцев.

— Да нет... Понимаешь, неудобно вроде...

— Чтот-т-ты... Пошли. Пошли, не искушай...

— Да ну, незнакомые люди, что я там буду... — отбивался Алексей.

— Не искушай, говорю!.. — Вальцев поволок его к двери, поддал коленом. — Денег у него нет!.. Ступай, ступай ножками, а то вот придам начальную скорость — до Москвы не остановишься!

Они пошли вдоль длинного коридора. Гостиница-общежитие при Большом Северном ракетодроме начала субботний вечер. Из-за стеклянной двери красного уголка доносились стук и лихие возгласы — там играли в пинг-понг. Прошел навстречу Зорин в полосатой пижаме, держа за ручку мальчугана в панаме, волочившего на веревке толстого белого кота. Кот сопротивлялся с молчаливым остервенением. У дверей пятого номера курил унылый молодой человек с пепельницей в руках. Ему не разрешали курить в комнате. Выскочили из-за поворота две хорошенькие нарядные девушки, наткнулись на Алексея, приснули, застучали высокими каблуками вниз по лестнице в общий зал, откуда доносились

звуки, напоминающие пластинку с массовой сценой из «Князя Игоря», пущенную наоборот. Группа плечистых парней радостно хохотала вокруг очкастого с пышной шевелюрой: пышная шевелюра рассказывала анекдоты о пассажире, ехавшем на верхней полке. Из раскрытых дверей какого-то номера плыл табачный дым и звали Витю. Потом хор грянул популярную мелодию «Взвейтесь соколы орлами...».

Алексею вдруг стало очень весело и хорошо. Он засмеялся и стукнул Вальцева по спине:

— Да не грусти ты, старый сундук! Сейчас выпьем, попойдем... Как там у вас — принято петь в компании?

Вальцев усмехнулся и сказал, что время покажет. Они поднялись на третий этаж и, не постучав, вошли в номер, на двери которого висело изображение черепа со скрещенными костями и с надписью: «Стучите!» Череп был изображен очень хорошо, но повешен вверх ногами.

Номер был большой — на трех человек, посередине стоял стол, на котором красовались бутылки, тарелка с нарезанной колбасой, полосатый носок, куча ножей и вилок, тазик с водой и зеркало. Перед зеркалом, естественно выпятив челюсть, сидел молодой человек, покрытый сверкающей пеной. Он скосил глаза на пришедших, невнятно проговорил: «Привет!» — и, ужасно исказив лицо, принялся рассматривать себя в зеркале, вытянув шею, обмотанную махровым полотенцем. На столике у окна другой молодой человек в пестром шерстяном свитере резал хлеб, укладывая его в большую фотографическую кювету. При этом он жевал огурец, пел про черные глаза, двигал бедрами и играл в шахматы сразу на двух досках с двумя другими молодыми людьми, из которых один оказался Сашей Бирским, а другой — тем самым веселым пилотом в ярчайшем шарфе, которого Алексей видел несколько дней назад на ракетодроме.

Молодой человек в шерстяном свитере обернулся, проглотил огурец и весело проговорил, обращаясь к Вальцеву:

— Представь, Лев Николаевич, представь капитана!

Знакомясь, он крепко пожал Алексею руку, отрекомендовался Андреем Цициным, отметил, что будет чертовски рад иметь такого спутника, немедленно перешел на «ты», потребовал, чтобы убрали со стола полосатый носок, посоветовал Вальцеву не сходя с места побриться под угрозой немедленного уничтожения, сделал ход на обеих досках и вновь обратился к хлебу, напевая во все горло и выделявая ногами замысловатейшие па. Пожав руку веселому пилоту, который все время ласково улыбался, но имя свое сообщил крайне неразборчиво, Алексей почувствовал себя здесь совсем своим, но был несколько охлажден неприязненным кивком Бирского, проговорившего ледяным тоном: «Мы уже, кажется, знакомы». При этом Бирский осторожно ощупал лиловый синяк над глазом, может быть, впрочем, случайно. Вальцев взялся за подбородок, поскрипел щетиной, неожиданно повеселел и с криком «Ох, и напьюсь же я!..» запустил полосатым носком в бреющегося молодого человека, который в этот момент брил верхнюю губу, оттянув ее книзу и придав лицу то сосредоточенное выражение, которое бывает только у бреющихся людей и у школьников, когда они ловят муху во время урока. Молодой человек взял тазик и стремительно направился к Вальцеву, предварительно сообщив, что он просто не знает, что с ним сделает. Вальцеву же это было, по-видимому, очень хорошо известно, потому что он обратился в бегство, крича, что это несправедливо, что так можно бриться и до бесконечности, потому что при таких темпах, пока бреешь левую щеку, успевает вырасти борода на правой, и чтобы его преследователь побоялся бога. На это преследователь резонно ответил, что бога нет, и пошел умываться, а Вальцев занялся бритьем.

Алексей взялся откупоривать бутылки, веселый пилот проиграл партию и начал вскрывать консервы, Бирский, схватившись за волосы, повис над доской, окончательно погибнув для общества, как отметил Вальцев, повеселевший и взмыленный Андрей Цицин громко мечтал о закуске...

БУФЕТ МЕЖПЛАНЕТНИКОВ

Выйдя в широкий низкий коридор, Алексей Петрович схватился горстью за подбородок и задумался. Собственно, как будто ничего страшного не произошло. Любой на его месте принял бы предложение участвовать в такой экспедиции за честь.

Венера... Что она собой представляет? То, что проходили когда-то в школе, давно забылось. Хорошо бы найти энциклопедию и посмотреть. Пока ясно только, что там есть пустыни. Но до чего все это неожиданно! Всего несколько часов назад ему вручили предписание и выразили надежду, что и на этот раз он оправдает доверие... Интересно, знало ли начальство, на что его посылают? Алексей Петрович принялся вспоминать, и ему стало казаться, что генерал действительно смотрел на него как-то по-особенному, значительно, и пожал ему руку с особым чувством. Но если там было все известно, то почему его не предупредили? «Я бы не вел себя таким идиотом у Краюхина», — подумал Алексей Петрович. Венера, Венера... Говорят, эти межпланетные путешествия — чертовски трудное дело. Нужна особая сноровка, здоровье, хладнокровие. А работа на далеких планетах и того труднее. Но раз Краюхин выбрал его, значит, уверен, что он справится. Краюхину со стороны, без-

© Глава из «Страны Багровых туч», исключенная при редакции. 1958.

условно, виднее. Тем более что от него, Алексея Петровича, потребуется только его обычная деятельность. Интересно, что Краюхин имел в виду, когда говорил об обычной деятельности? Ремонт и вождение машин? Скорее всего, просто привычка работать в пустыне. И в конце концов, все эти межпланетные путешественники такие же люди, как он. Раз могут они, сможет и он.

Алексей Петрович оставил подбородок и взялся за нос.

Мимо прошла хорошенькая девушка в белом платье, мельком взглянула на него и не удержалась — улыбнулась. Да, надо послать в Алма-Ату телеграмму, что командировка будет очень длительной. Жаль, нельзя повидаться перед экспедицией. А что бы это дало? То, что не смог сделать за два года, не сделаешь за пару часов. Ну и ладно. Предоставим все судьбе. Когда он вернется... (В памяти возникло фото из какого-то иллюстрированного журнала: герои безграничных пространств вернулись из космического рейса — цветы, улыбки, поднятые для приветствия руки...) Так вот, когда он вернется, то возьмет отпуск и поедет в Алма-Ату. Он подойдет к одному дому, нажмет кнопку звонка — один длинный и один короткий — и тогда... Алексей Петрович сердито потряс головой и решительно двинулся вдоль коридора. У лифта он остановил рослого красивого человека в легком изящном костюме и спросил, где находится столовая.

— Столовая? — протянул тот, окидывая Алексея Петровича внимательным взглядом. — Столовая на шестом этаже. Но она сейчас закрыта. Вы кого-нибудь ищете?

— Почему ищу? — удивился капитан. — Я... Мне нужно пообедать, только и всего.

— Хм... Тогда вам лучше идти в ресторан. Это напротив, через улицу. Этажом ниже есть буфет межпланетников, но посторонние у нас обычно не обедают. Всего наилучшего.

Прежде чем ошеломленный таким тоном и словами Алексей Петрович успел что-либо сказать, человек в изящном костюме повернулся и, не торопясь, пошел прочь.